

О. И. КУЛАПИНА

Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова, г. Саратов, Россия
ORCID: 0000-0002-4001-1877, kulapin@rambler.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКОВЕДЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Статья посвящена рассмотрению современных подходов, аспектов изучения, путей развития терминологии музыковедения, составляющих основу понятийного аппарата науки и имеющих непосредственное отношение к проблемам методологии музыковедческого исследования. Отмечая удивительное богатство, многогранность понятий и используя не только музыковедческие, но и литературоведческие и философские изыскания, автор предполагает, что по сравнению с точными и естественными науками творческое начало в гуманитарных науках способствует более свободному обращению с терминами. В опоре на музыкально-теоретические труды М. Г. Арановского, В. В. Медушевского, Е. В. Назайкинського, В. Н. Холоповой, Т. В. Чередниченко, изучающих термины в методологическом контексте, в работе затрагиваются вопросы: какими должны быть понятия, как вводится термин в научный текст, как избежать «терминологического коллапса» и др. Исходя из конкретных работ Б. В. Асафьева и Б. Л. Яворского, выводится закономерность эволюции ряда категориальных понятий в научном творчестве учёных. Исследование Т. В. Чередниченко расценивается как первый опыт текстологического анализа фундаментального исследования Б. В. Асафьева. Наряду с этим в статье подчёркивается своеобразная «многоимённость» как самой науки (музыковедение), так и одной из его отраслей (этномузыковедение). Из анализа названий делается вывод о различии путей их появления и развития: синхроническом и диахроническом. В целях определения подлинных создателей музыковедческих понятий, в том числе и современных, автор статьи предлагает собрать все известные сведения по терминологии в едином электронном справочнике энциклопедического плана, привлекая к этому процессу музыковедов-исследователей различных направлений.

Ключевые слова: понятийный аппарат науки, терминология, методология музыковедения, музыковедение, этномузыковедение.

OLGA I. KULAPINA

Saratov State L. V. Sobinov Conservatory, Saratov, Russia
ORCID: 0000-0002-4001-1877, kulapin@rambler.ru

THE PROBLEM QUESTIONS OF CONTEMPORARY MUSICOLOGICAL TERMINOLOGY

The article is devoted to examination of contemporary approaches, aspects of study, and paths of development of the terminology of music scholarship comprising the foundation of the conceptual construct of scholarship which have direct connection with the problem of methodology of musicological research. Noting the remarkable wealth and omnitude of concepts and incorporating not only musicological but literary and philosophical material, the author presumes that in comparison with the exact and natural sciences the creative element in humanitarian sciences is conducive to a freer usage of terms. Relying on the music theory works of Mark Aranovsky, Vyacheslav Medushevsky, Evgeny Nazaykinsky and Tatiana Tcherednichenko, all of them specialists in the study of terminology in a methodological context, the article touches upon the following questions: what kinds of terms must be used, in what way new terms may be introduced into the scholarly context, whether it is possible to come out of a “terminological collapse,” etc. Stemming from specific musicological writings of Boris Asafiev and Boleslav Yavorsky the consistent pattern of the evolution of a set of categorical concepts in the academic work of scholars is brought out. The research work of Tcherednichenko is evaluated as the first attempt at a textual analysis of the fundamental study of Asafiev. Along with this, the article emphasizes the peculiar polyonymous quality of both the discipline itself (namely, musicology), and one of its branches (namely, ethnomusicology). From analysis of these names the conclusion is arrived at about the distinction of the paths of their emergence and development: the synchronous and the diachronic. With the aim in mind of defining the genuine creators of musicological concepts, including the contemporary ones, the author of the article proposes gathering together all the available information about terminology into one electronic directory of an encyclopedic kind, inviting musicologists and researchers of various different directions to join this work.

Keywords: the conceptual construct of scholarship, terminology, methodology of music scholarship, musicology, ethnomusicology.

исследования понятийного аппарата музыкальной науки составляют задачу методологического значения. По мысли Е. В. Назайкинского, это «задача методологического совершенствования теории искусства, углубления её эстетико-философского, научного обоснования <...> Формирование и развитие понятий в той или иной специальной сфере уже не может осуществляться без учёта возможностей их более широкого применения, без соотнесения с опытом многих общественных, гуманитарных, естественных и точных наук» [9, с. 70]. К междисциплинарному опыту мы и обратимся в начале статьи.

Терминология науки трактуется как показатель степени мышления той или иной эпохи. Вот почему одним из важных методологических аспектов познания выступает понятийный аппарат науки, какие бы сферы исследования он ни затрагивал, а сама научная терминология, несущая информацию, относится к специальной лексике, или языку профессиональной деятельности, коммуникативным связям науки. Вместе с тем в современной науке (литературоведение) пишется о стихийно образованной совокупности терминов, о естественном сложении лексической системы языка и даже отвергается сама концепция о терминологии как научном языке, которую относят к семасиологии – системе «искусственно созданных знаков» [3, с. 7]. Не обделены вниманием и конкретные вопросы, направленные на анализ различных лексических слоёв, включающих так называемые профессионализмы и жаргонизмы, а также англицизмы. Особое внимание в зарубежных работах уделяется научным подходам и методам познания понятийной языковой системы, например, социокогнитивному [15] и социолингвистическому [13] анализу.

Гуманитарные науки, включая музыковедение, отличаются от точных и естественных богатым разнообразием терминологического аппарата, чем мотивировано различие подходов к его изучению. В гуманитарной среде можно наблюдать также большую свободу в обращении (своеобразном «общении») с терминами, что может быть выражено многоаспектностью, иногда неоднозначностью, варьированием содержательной основы понятий¹. Однако происходит это, главным образом, в пределах разумного, вне искажения их смысловой составляющей².

Можно предположить, что детерминантой очевидной многозначности, многообразия, автономии в лексике гуманитарных наук выступает творческое начало. Например, в современном музыковедении такая свобода детерминирована существованием множества направлений музыкального искусства, а отсюда и наличием разных интерпретаций изучаемого объекта: как самого музыкального искусства, так и его конкретных проявлений – музыкальных произведений³. При этом музыка считается самой эмоциональной сферой человеческой деятельности, что тоже не может не сказаться на образном, эмоциональном, подчас свободном выражении её языковой сферы (например, излишняя поэтизация), нередко проявляемой в аналитической работе музыковедов.

Занимавшийся терминологической проблемой ещё в 1970–1980-е годы Е. В. Назайкинский в статье «Термины, понятия, метафоры...» писал: «Со строго научной точки зрения музыковедческая терминология представляется весьма противоречивой, сложной, несовершенной, во многом не удовлетворяющей требованиям, которые обычно предъявляют к терминам» [9, с. 71]. Такое высказывание, как и материал всей статьи, не потеряли своей актуальности и сегодня. Наряду с этим исследователь считал, что «понятия ... должны удовлетворять требованиям однозначности, внутренней непротиворечивости» [8, с. 13]. На наш взгляд, они должны быть также богатыми по смыслу, ёмкими и лаконичными, лексически чёткими и точными, словно бьющими в цель, и конечно понятными.

Применение необходимого для научной работы термина может производиться несколькими путями. Во-первых, возможно обращение к тем определениям понятия, которые уже прошли апробацию в трудах учёных, – на предмет согласования с ними своей собственной дефиниции. Во-вторых, может быть установлен новый, сугубо авторский термин, выводимый из анализа существующих⁴. В-третьих, может проводиться аналогичная аналитическая процедура, но связанная уже с критической оценкой имеющихся дефиниций, что доходит до их полного неприятия и даже изъятия из распространённой научной лексики⁵.

Количество дефиниций в науке неуклонно и закономерно растёт. Достаточно вспомнить о неустаревающем интересе учёных, прежде всего маститых, к разработке наиболее сложных

понятий науки и культуры, искусства и творчества. Например, М. Г. Арановский известен как исследователь мелодических структур, создатель теории музыкального текста и др. Музыковед не только вводит взятый из литературоведения термин «синтагма» в определение структуры мотива и рассматривает такую крупную категорию, как «музыкальный текст», но и, как пишет Н. А. Рыжкова, доказывает, что «сами понятия музыкального языка, музыкальной речи, музыкального текста – не метафоры, а законные научные термины» [10, с. 2]. В статье «Вопросы терминологии, или О пользе быть наивным» [1] М. Г. Арановский непосредственно раскрывает контент, взаимосвязь, возможную синонимичность в употреблении таких понятий, как «содержание», «семантика», «смысл», «форма», «текст».

Другой показательный пример – работы В. В. Медушевского. Учёный, неоднократно обращавшийся к терминологической проблеме (см., к примеру: [6]), в работе «Миграции терминов и системность науки» [7], указывая на многофункциональность понятий в искусствоведении, выделяет три этапа «из жизни терминов». Это рождение множества терминов при изучении одной существенной проблемы, переходящее в две противоположные ситуации – открытие и систематизацию, разделённые фазой их «свободной конкуренции». Наконец, происходит осознанная систематизация их при опоре на коммуникативную функцию науки и на мигрирующие знания из других научных сфер. Притом «любой новый термин вторгается не в безвоздушное пространство, а в сложившуюся и устойчивую понятийно-терминологическую систему, и он начинает с ней активно взаимодействовать» [7].

Большой интерес представляет современное исследование В. Н. Холоповой «Феномен музыки» [11], где автор в опоре на общенаучную тенденцию к интеграции знаний и теорию музыкального содержания раскрывает свой взгляд на терминологическую проблему. В Первой главе глубоко и подробно освещается понятие «музыка», чему посвящены 42 страницы монографии; в Пятой главе рассматриваются понятия «интонация», «сонор», «звук»; обосновывается необходимость введения термина «лексема» и т. д.

Наблюдая за «жизнью» терминов, можно обнаружить факт амбивалентного обращения с

конкретным термином в момент выявления его сути, контента. В одном случае музыковед может прийти до неоднократных и многоликих его определений, а в другом – прийти к их согласованному единству, когда дефиниция выливается в одну конкретную и чёткую языковую конфигурацию.

Относительно первого случая зафиксируем такой факт. Учёные, иногда на протяжении всей творческой жизни исследовавшие конкретные явления науки (категории, принципы, методы), раскрывали их с разных ракурсов, давая как бы в многоаспектном, «поливекторном» изложении, своего рода «голографическом» измерении. В теоретическом музыкознании известно множество подобных обращений к категориям стиля и жанра, гармонии и лада и др. Например, многократные и разносторонние интерпретации категории стиля, данные Б. Л. Яворским, раскрыты учёным в неоднородных проявлениях: в историческом, художественно-эстетическом, творческом, сравнительном, синонимическом, литературно-речевом, сугубо конкретном аспектах (см.: [4, с. 31–32]). То же происходит с толкованиями ладовой категории и метода⁶. Аналогичный процесс «из жизни терминов», корнями уходящий в герменевтику, можно обнаружить и в научной биографии другого корифея теоретического музыкознания – Б. В. Асафьева (в основном это касается категорий формы, содержания, лада).

Относительно второго случая назовём в качестве примера исследование Н. С. Гуляницкой «Методы науки о музыке»⁷, посвящённое конкретному раскрытию содержания современных методов междисциплинарного порядка, активно применяемых в музыкознании: герменевтика, семиология, методы системного, структурного, компаративного анализа.

Хотя музыковеды в своих работах постоянно обращаются к понятийной составляющей используемых терминов (а в целом данная область отечественного музыкознания насчитывает не один десяток лет), какую-либо аналитическую систематику и теоретические обобщения в обозначенной сфере сегодня найти достаточно сложно. В этой связи следует обратиться к музыковедческим работам прошлых лет.

Так, в статье Т. В. Чередниченко «Терминологическая система Б. В. Асафьева (на примере исследования “Музыкальная форма как процесс”» (1978) [12] мы находим системный ана-

лиз понятийного аппарата главной монографии учёного. При изучении текстовой модели автор выдвигает положение о том, что «терминология Асафьева выступает в виде развитой централизованной системы со сложным функциональным соотношением терминов. *Ядро* системы образуют понятия интонации – интонирования – формы» [там же, с. 217]. Рассматривая систему от общего к конкретному, Чередниченко выявляет её особенности в контексте «многообразия в единстве». Отмечается богатство и многозначность понятий, их эволюция и специфика: синонимия и терминологические замены. Кроме того, подчёркивается синтез художественного и научного, неотделимость «выражения от содержания», индивидуальность изложения. Исследователь заключает, что для основы авторского стиля Асафьева свойственны «яркость и импровизационная свобода в сочетании с логикой, закономерность развития мысли, лёгкость и глубина, сложность понятий, схватывающая живой смысл явлений» [там же, с. 228]. Тем самым автор статьи отвечает на ряд методологических вопросов: «каким должно быть соотношение между объектом музыкальной науки и её языком; как влияет форма работы учёного на содержательную структуру текста; в чём заключается ценность выражения личности автора в условиях научной концепции музыки; до какой степени музыковедение предполагает художника в учёном и исследователе» [там же, с. 229]. Статью Т. В. Чередниченко кроме того можно расценивать как первый опыт текстологического анализа монографии Б. В. Асафьева, направленный на выявление закономерностей понятийного аппарата его концепции.

Удивительно, но сама музыкальная наука как бы исторически подготовлена и предрасположена к терминологическим обновлениям: в ней заложена «многоимённость». Пожалуй, как ни одна другая научная отрасль, музыковедение богато на синонимичные обозначения своих имён, из которых можно выстроить целую цепочку. Это и *музыкальная наука*, или *наука о музыкальном искусстве*, собственно *музыковедение*, или *музыкознание*, наконец, *музыкология* – термин, роднящий российскую науку с зарубежной. Из приведённых названий наиболее стабильным для российской науки можно считать термин *музыкознание*, введённый в научный обиход композитором и музыкальным критиком А. Н. Серовым ещё в 1864 году⁸.

Впрочем, на заре своего существования на отечественной почве музыкознание именовалось даже *музыкальной грамматикой*, что известно по одноимённому трактату теоретика и композитора Николая Дилецкого. Столь древнее наименование связано с тем, что в XVII веке музыкальная наука как системное образование ещё не сложилась, а потому понятие олицетворялось с теорией музыки, называемой тогда музыкальной (музыкальной) грамматикой. Аналогичное явление происходило и в Западной Европе, где из учения о гармонии, разработанного в XVIII веке композитором и теоретиком музыки Ж. Ф. Рамо, выросло целое научное древо – теоретическое музыкознание⁹.

Конечно, приведённые «имена» музыкальной науки, в принципе родственные, имеют некоторые отличия друг от друга. Корреляционные отношения между ними показывают, что понятие *музыковедение* склонно указывать на род деятельности, *музыкознание* больше соответствует научному вектору, *наука о музыке* определяет художественно-эстетическую составляющую, а *музыкология* воплощает музыкальную логику, что ближе к познавательному аспекту не столько специального (по профессии музыканта), сколько университетского уровня образования. Такой «западноевропейский акцент» напрямую увязан с высшим учебным учреждением, на одном из факультетов которого изучается музыкальное искусство, в отличие, например, от российского вуза (разряды: консерватория, музыкальная академия, институт культуры и искусства)¹⁰.

Одна из таких отраслей музыкознания, как *этномузыкология*, также неоднократно подвергалась процедуре переименования. Однако здесь, в отличие от коренной науки, усматривается эволюционный процесс. В начале своего пути (вторая половина XVIII века) и далее, на протяжении примерно двух веков, данная отрасль обозначалась в основном как наука о народном творчестве, о русской народной песне. С начала XX века в связи с введением в российскую науку в 1899 году философом В. В. Лесевичем термина «фольклор» (авторство принадлежит англичанину, учёному У. Дж. Томсу – 1846) всё чаще стал употребляться производный от него термин «фольклористика». В 20-е гг. прошлого столетия вводится термин «этномузыкознание», сохранившийся и сегодня. Можно предположить, что такое наименование связано с фольклористским направлением деятельно-

сти выдающегося музыковеда и композитора Б. В. Асафьева, который смог поставить фольклористику на истинно научные рельсы, внося в её исследования музыковедческую струю (имеется в виду анализ фольклорного текста, разработка учебных программ по народному творчеству и пр.)¹¹.

Термин «этномузыкология» – также европейского происхождения (авторство принадлежит голландскому учёному Я. Кунсту (1950)¹² – активно проникает в научный обиход. Имея интегративный характер, он синтезирует в себе данные музыковедения, антропологии, культурологии, этнографии, социологии, психологии и других дисциплин. Наряду с этим, этномузыкология нередко базируется на сравнительном анализе музыки разных национальных культур, словно напоминая о своём прошлом. Начиная с последней четверти XIX века и на протяжении почти столетия, практиковались и такие названия музыкальной фольклористики, как этнография и сравнительное музыкознание¹³. Впрочем, в настоящее время все термины, установленные в науке о народном творчестве, имеют синонимическое применение.

Устанавливая факт подобной «многоимённости» науки о музыке, обнаруживаем различие путей появления её обозначений. Условно говоря, путь возникновения музыкознания приближается к синхроническому процессу, а этномузыкологии – к диахроническому, эволюционному. Первый путь представляется более стабильным, нежели второй путь – изменчивый.

Обобщая сказанное, зададимся одним вопросом: можно ли исправить создавшееся положение в музыкальной науке, несколько напоминающее «терминологический коллапс»? Здесь под броским термином понимается не столько безысходное положение дел или своеобразный «разброс» (рассредоточенность) и многоликость имеющихся лексических исследований, сколько (и это главное) – отсутствие должного внимания и интереса к актуальной проблеме, выражающей столповую – методологическую – отрасль музыкальной науки. Видимо, причины подобной апатии кроются в социальной среде (идеологический фактор, слабая критика и т. п.).

К примеру, в современном музыковедении явно не достаёт специальной литературы по исследованию научной терминологии, к совершенствованию которой надо стремиться, развивая тем самым столь нужное методологическое ответвление – терминологическое, или лексическое, обладающее своей спецификой, для становления которого музыкознание давно созрело. Важно непрерывно следить за процессом формирования новой терминологии, постоянно его корректировать, а возможно – и исправлять...

Казалось бы, в наше время существует немало специальных изданий: терминологические словари по философии и литературоведению, глоссарии научных терминов на иностранных языках¹⁴, словари музыкальных терминов, современный электронный «Словарь музыковедческих терминов и понятий» Д. И. Шульгина, включающий около 1750 терминов из учения по гармонии, полифонии и композиции Ю. Н. Холопова [13]. Но до сих пор мы не найдём в музыкальных справочниках таких известных понятий, как «адекватное восприятие» (В. В. Медушевский), «синтагма» (М. Г. Арановский), «фоносфера» (М. Е. Тараканов), не указан даже автор термина «параллельно-переменный лад» (Б. Л. Яворский).

Вот почему отдельным пунктом для освоения музыковедческих понятий поставим важность их упорядоченности в плане точного установления авторства. В этих целях необходимо сосредоточить все имеющиеся сведения по терминологии в одном источнике, например, электронном, создав тип энциклопедического справочника и привлекая к этому сбору музыковедов разных учебных заведений и НИИ России.

Таким образом, проблема осмысления понятийного аппарата музыкальной науки, постоянно встающая перед музыковедами в ходе исследований, настолько важна, что со временем может лечь в основу одного из ключевых ответвлений методологического направления музыкознания. Пока же понятийный анализ воспринимается как разрозненное, спонтанное, во многом бессистемное и нецентрализованное явление, что заметно отличает его, например, от лингвистики, в которой «терминосистемы и их специфика довольно хорошо изучены»¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слова «понятие» и «термин», используемые в данной статье как синонимы, следует различать. На наш взгляд, термин – внешняя «оболочка» понятия, выступающего в роли его смысловой координаты.

² Следует отметить, что в обиходе подобное явление напрямую связано с профанным выражением обыденной речи, коренящемся в её самобытном диалектном «многоязычии». В качестве конкретного примера на словесную многоликость приведём термин «частушка», обозначающий один из любимых фольклорных жанров. Названия частушки зависят от локальной традиции, несомой тем или иным районом России, где этот популярный жанр народного творчества называют по-разному: тутьшки, вертушки, коротушки, коротельки, припевки, пригудки, прибаски, собираушки, набирушки, прибрешки, топтушки, ихахошки, матани и т. д. Приведённый пример подтверждает мысль философа Я. Ф. Аскина о том, что «обыденный рассудок и проблемное мышление – ярчайшие антиподы» [2, с. 30].

³ Конечно, больше всего это затрагивает исполнительскую трактовку нотного текста, его интерпретацию. Однако в нашей статье речь идёт о понятийном аппарате музыковедческого знания, непосредственно направленного на постижение специфики музыкального искусства.

⁴ Так, в монографии автора этих строк «Основы ладогармонической системы русской народной музыки» разработка ладовой категории основывается на изучении трудов Э. А. Алексеева, Т. С. Бершадской, А. А. Горковенко, А. Д. Кастальского, В. А. Пальмовой, М. Г. Харлапа, Ю. Н. Холопова, Л. Л. Христиансена, К. И. Южак, Б. Л. Яворского и др. Становление новой концепции потребовало выведения собственной дефиниции лада – важнейшей категории этногармонии, органично существующей в рамках этномызыкального знания. См.: Кулапина О. И. Основы ладогармонической системы русской народной музыки: монография. Саратов: Изд-во Саратов. гос. консерватории им. Л. В. Собинова, 2004. С. 117.

⁵ Например, понятие «лады народной музыки» полностью изъято из учебника по теории музыки под ред. Т. С. Бершадской (см.: Теория музыки: учеб. для муз. училищ и ст. кл. спец. муз. шк. / Н. Ю. Афонина

и др.; общ.ред. Т. С. Бершадской. СПб.: Композитор – Санкт-Петербург, 2003. 194 с.).

⁶ См.: Кулапина О. И. Ладовая теория Б. Яворского: понятийный аспект // Проблемы художественного творчества: сб. ст. по материалам Всероссийских научных чтений, посвящённых Б. Л. Яворскому (сентябрь 2012). 1 ч. Саратов: СГК им. Л. В. Собинова, 2013. С. 26–30; Кулапина О. И. Трактовка метода у Б. Л. Яворского // The Journal «International Journal of Applied and Fundamental Research»: Электронный научный журнал немецкого изд-ва Publishing house «Academy of Natural History». 2013, ноябрь. URL: law.vvsu.ru/.../44CA67D5-5CCB-4...06CC5C6062CA.pdf.

⁷ См.: Гуляницкая Н. С. Методы науки о музыке: исследование. М.: Музыка, 2015. 254 с.

⁸ См.: Серов А. Н. Музыка, музыкальная наука, музыкальная педагогика // Статьи о музыке. М., 1990. Вып. 6. С. 176.

⁹ См.: Поташникова М. М. Рамо как основоположник научного теоретического музыкознания // Методологические вопросы теоретического музыкознания: труды ГМПИ им. Гнесиных. М., 1975. Вып. 22. С. 257–276.

¹⁰ Сделаем оговорку, что статус вуза не во всех странах одинаков. Например, в Израиле консерватории (консерваторионы) по реестру изучаемых дисциплин и начальному уровню преподавания, который постоянно и интенсивно усложняется, фактически отвечают российским детским музыкальным школам, однако выпускной экзамен приравнивается к заведениям среднего звена: училищам, колледжам, техникумам, школам-десятилеткам (ЦМШ). Но Академия музыки относится уже к высшему звену.

¹¹ См.: Голенищева Е. Е. Эволюция исследований русского народно-певческого искусства: теория, история, практика: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Саратов, 2016. С. 24.

¹² См.: dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/80_116.

¹³ Терминологический аспект музыкальной фольклористики затрагивается во многих исследовательских работах, в том числе А. Н. Серова, А. Чекановской (Польша), К. А. Богданова, И. И. Земцовского, О. А. Пашиной и др.

¹⁴ См., например: whatislife.com/glossary.htm.

¹⁵ См.: [5, с. 53].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арановский М. Г. Вопросы терминологии, или О пользе быть наивным // Арановский М. Г. Музыка. Мышление. Жизнь. Статьи, интервью, воспоминания / ред.-сост. Н. А. Рыжкова. М., 2012. С. 64–70.
2. Аскин Яков Фомич. Творческий портрет философа / сост. Р. Д. Клочковская, О. И. Кулапина, Г. Н. Петрова. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2002. 92 с.

3. Гвишиани Н. Б. Язык научного общения: вопросы методологии. Изд. 2-е, испр. М.: ЛКИ, 2008. 280 с.
4. Кулапина О. И. Трактовка категории стиля в эпистолярном наследии Б. Л. Яворского (из переписки с С. В. Протопоповым) // Проблемы музыкальной науки. 2014. № 4 (17). С. 31–34.
5. Массина С. А. Специфика музыковедческой терминологии // Лингвистические и социокультурные аспекты преподавания иностранного языка. Саратов, 2014. С. 53–57.
6. Медушевский В. В. Ключевые понятия и представления // Мастер-класс (15.11.2014). <https://www.youtube.com/watch?v=hViBUMNjIE>. (Дата обращения: 19.05.2017).
7. Медушевский В. В. Миграции терминов и системность науки. <http://bookish.link/osnovyi-psihologii/medushevskiy-migratsii-terminov-sistemnost-24124.html>. (Дата обращения: 19.05.2017)
8. Назайкинский Е. В. Искусство и наука в деятельности музыковеда // Музыкальное искусство и наука. М., 1973. Вып. 2. С. 3–16.
9. Назайкинский Е. В. Термины, понятия, метафоры... // Советская музыка. 1984. № 10. С. 70–81.
10. Рыжкова Н. А. Теория музыкального текста М. Г. Арановского и перспективы структурно-семиотического метода // Музыковедческий форум «Памяти М. Г. Арановского»: тезисы докладов (ноябрь 2010). URL: gnesinacademy.ru/userphoto/File/MuzForum2k10/Abstracts.pdf.
11. Холопова В. Н. Феномен музыки. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 384 с.
12. Чередниченко Т. В. Терминологическая система Б. В. Асафьева (на примере исследования «Музыкальная форма как процесс») // Музыкальное искусство и наука: сб. ст. / ред.-сост. Е. В. Назайкинский. М., 1978. Вып. 3. С. 215–229.
13. Шульгин Д. И. Словарь музыковедческих терминов и понятий (первое авторское медиа-издание). 1-е изд. М.: Директ-Медиа, 2013; 2-е изд. М.: Директ-Медиа, 2014. <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (Дата обращения: 19.05.2017).
14. Gaudin F. Socioterminologie: une approche sociolinguistique de la terminologie/ Publ. avec le concours de la Communauté française de Belgique, Service de la langue française. 1. ed. Bruxelles: Duculot, 2003. 286 p.
15. Temmerman R. Towards New Ways of Terminology Description. The sociocognitive approach // Terminology and Lexicography Research and Practice. 2000. № 3. 276 p.

Об авторе:

Кулапина Ольга Ивановна, доктор искусствоведения, кандидат философских наук, профессор кафедры теории музыки и композиции, Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова (410012, г. Саратов, Россия), **ORCID: 0000-0002-4001-1877**, kulapin@rambler.ru

REFERENCES

1. Aranovsky M. G. Voprosy terminologii, ili O pol'ze byt naivnym [Questions of Terminology, or Concerning the Benefits of Being Naïve]. Aranovsky M. G. *Muzyka. Myshlenie. Zhizn. Stat'i, intervyyu, vospominaniya* [Music. Thinking. Life. Articles, Interviews, Memoirs]. Edited by N. A. Ryzhkova. Moscow, 2012, pp. 64–70.
2. *Askin Yakov Fomich. Tvorcheskiy portret filozofa* [Askin Yakov Fomich. A Creative Portrait of the Philosopher]. Edited by R. D. Klochkovskaya, O. I. Kulapina, G. N. Petrova. Saratov: Publishing House of the Saratov State University, 2002. 92 p.
3. Gvishiani N. B. *Yazyk nauchnogo obshcheniya: voprosy metodologii* [The Language of Scholarly Communication: Questions of Methodology]. 2nd Edition, Revised. Moscow: LKI, 2008. 280 p.
4. Kulapina O. I. Traktovka kategorii stilya v epistolyarnom nasledii B. L. Yavorskogo (iz perepiski s S. V. Protopopovym) [The Interpretation of Style in the Epistolary Legacy of Boleslav Yavorsky (from his Correspondence with Sergei Protopopoff)]. *Problemy muzykal'noj nauki* [Music Scholarship]. 2014. No. 4 (17), pp. 31–34.
5. Massina S. A. Spetsifika muzykovedcheskoy terminologii [The Specificity of Musicological Terminology]. *Lingvisticheskie i sotsiokulturnye aspekty prepodavaniya inostrannogo yazyka* [The Linguistic and Socio-Cultural Aspects of Teaching a Foreign Language]. Saratov, 2014, pp. 53–57.
6. Medushevsky V. V. *Klyucheveye ponyatiya i predstavleniya* [The Key Concepts and Perceptions]. Master-class (15.11.2014) [Master Class]. URL: [youtube.com/watch?v=hViBUMNjIE](https://www.youtube.com/watch?v=hViBUMNjIE).
7. Medushevsky V. V. *Migratsii terminov i sistemnost' nauki* [Migration of Terms and the Systematic Nature of Scholarship]. URL: bookish.link/osnovyi-psihologii/medushevskiy-migratsii-terminov-sistemnost-24124.html.

8. Nazaykinsky E. V. *Iskusstvo i nauka v deyatel'nosti muzykoveda* [Art and Scholarship in the Activities of the Musicologist]. *Muzykal'noe iskusstvo i nauka* [Musical Art and Scholarship]. Issue 2. Moscow, 1973, pp. 3–16.
9. Nazaykinsky E. V. *Terminy, ponyatiya, metafory...* [Terms, Concepts, Metaphors ...]. *Sovetskaya muzyka* [Soviet Music]. 1984. No. 10, pp. 70–81.
10. Ryzhkova N. A. *Teoriya muzykal'nogo teksta M. G. Aranovskogo i perspektivy strukturno-semioticheskogo metoda* [The Theory of the Musical Text of M. G. Aranovsky and the Prospects of the Structural-Semiotic Method]. *Muzykovedcheskiy forum "Pamyati M. G. Aranovskogo": tezisy dokladov (noyabr' 2010)* [The Musicological Forum "In memory of M. G. Aranovsky": Abstracts (November 2010)]. URL: gnesinacademy.ru/userphoto/File/MuzForum2k10/Abstracts.pdf.
11. Kholopova V. N. *Fenomen muzyki* [The Phenomenon of Music]. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2014. 384 p.
12. Cherednichenko T. V. *Terminologicheskaya sistema B. V. Asafieva (Na primere issledovaniya "Muzykal'naya forma kak protsess")* [The Terminological System of B. V. Asafiev (On the Example of the Book "Musical Form as a Process")]. *Muzykal'noe iskusstvo i nauka: sb. st.* [The Art of Music and Scholarship: A Collection of Articles]. Issue 3. Edited by E. V. Nazaykinsky. Moscow, 1978, pp. 215–229.
13. Shul'gin D. I. *Slovar' muzykovedcheskikh terminov i ponyatiy (pervoe avtorskoe media-izdanie)* [A Dictionary of Musicological Terms and Concepts (the Author's First Media Publication)]. 1st Edition. Moscow: Direkt-Media, 2013; 2nd edition. Moscow: Direkt-Media, 2014. URL: ru.wikipedia.org/.../.
14. Gaudin F. *Socioterminologie: une approche sociolinguistique de la terminologie* [Socioterminology: a Sociolinguistic Approach to Terminology]. Publ. avec le concours de la Communauté française de Belgique, Service de la langue française. 1. ed. Bruxelles: Duculot, 2003. 286 p.
15. Temmerman R. *Towards New Ways of Terminology Description. The sociocognitive approach. Terminology and Lexicography Research and Practice*. 2000. No. 3. 276 p.

About the author:

Olga I. Kulapina, Dr. Sci. (Arts), Ph.D. (Philosophy), Professor at the Department of Music Theory and Composition, Saratov State L. V. Sobinov Conservatory (410012, Saratov, Russia), **ORCID: 0000-0002-4001-1877**, kulapin@rambler.ru